

В.В. Марчук,
*доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Персональная уголовная юрисдикция представляет собой закрепленное в законе правило применения уполномоченными органами норм национального уголовного законодательства в отношении лиц, состоящих в числе граждан соответствующего государства или приравненных к ним, которые совершили преступление за пределами этого государства. В основе персональной юрисдикции лежит принцип действия уголовного закона в пространстве, который в уголовно-правовой литературе называют принципом гражданства или национальным принципом.

В уголовном законодательстве советского времени было закреплено положение, согласно которому решение иностранного суда не имело обязательной силы для советских судов, хотя и могло учитываться. Например, в первоначальной редакции ст. 5 УК БССР 1960 г. указывалось, что граждане СССР, совершившие преступление за границей, подлежали уголовной ответственности по УК БССР. Если граждане СССР за совершенные преступления вне пределов СССР понесли наказание за границей, то суд мог соответственно «смягчить назначенное им наказание или полностью освободить виновного от отбывания наказания». При таком подходе советские граждане, совершившие преступление за пределами СССР и даже отбывшие наказание, могли повторно привлекаться к уголовной ответственности по советским законам. Такая позиция была обусловлена идеологизацией советского законодательства, противостоянием двух мировых систем.

В условиях «железного занавеса» лишь незначительное количество граждан СССР выезжало за границу. И при существующих в то время подходах в определении пространственных пределов действия уголовного закона вопрос о персональной уголовной юрисдикции не вызывал особого научного интереса. Направления научных исследований в то время в основном были сосредоточены на вопросах применения уголовного закона в рамках территориальной юрисдикции. Советские ученые исследовали проблемы применения уголовного закона на территории союзных республик: соотношение общесоюзного и республиканского уголовного законодательства, определение места совершения преступления, определение момента окончания длящихся и продолжаемых преступлений, квалификация преступного поведения соучастников, совершивших деяния на территории нескольких союзных республик и др. Этим вопросам были посвящены монографии и диссертации М.Д. Шаргородского¹, Я.М. Брайнина², А.А. Тилле³, М.И. Блум⁴, С.И. Тишкевича⁵, научные статьи В.Н. Кудрявцева¹, Г.Н. Борзенкова² и других правоведов.

¹ См.: Шаргородский М.Д. Уголовный закон / Избранные труды по уголовному праву / М.Д. Шаргородский; сост., [авт. предисл.] Б.В. Волженкин. СПб., 2003.

² См.: Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.

³ См.: Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советских законов во времени и пространстве. М., 1965.

⁴ См.: Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве / Учеб. пособие. Рига, 1974.

⁵ См.: Тишкевич С.И. Применение уголовного закона при совершении преступлений на территории не-

В уголовно-правовой литературе рассматривались и некоторые аспекты применения уголовного закона на основании принципа гражданства: вопросы о реализации советских уголовных законов к гражданам СССР, совершившим преступление за границей до того, как они были приняты в гражданство СССР; в случае совершения за границей преступления лицом, обладающим двойным гражданством; возможности отказа от привлечения к уголовной ответственности советских граждан, совершивших преступление в зарубежных социалистических государствах³. В целом, в советское время ученые делали вывод о том, что советские граждане, являясь представителями новой морали, должны нести уголовную ответственность по советскому уголовному закону, который может и должен предъявлять к ним повышенные требования⁴.

Распад СССР и появление самостоятельных государств на его бывшей территории, деидеологизация законодательства, выдвигание на первый план приоритета общечеловеческих ценностей и прав человека оживили научный интерес к изучению принципов действия уголовного закона в пространстве, в том числе и принципа гражданства. В новых исторических условиях приобрел актуальность вопрос о действии уголовного закона в пространстве на территории бывших союзных республик. Белорусский ученый С.И. Тишкевич в начале 90-х годов прошлого века в своей монографии сформулировал некоторые предложения по совершенствованию территориального принципа действия уголовного закона в пространстве⁵, показал некоторые уголовно-процессуальные проблемы применения закона на основании принципа гражданства⁶. В условиях начавшейся уголовно-правовой реформы на постсоветском пространстве значительный вклад в развитие теории о пространственном действии уголовного закона внес российский ученый А.И. Бойцов. В своем монографическом исследовании он показал проблемы применения уголовного закона, обусловленные коллизией между территориальной и персональной юрисдикцией⁷.

Немаловажное значение в совершенствовании условий применения уголовного закона на основании принципа гражданства сыграли положения модельного УК. В части первой ст. 14 модельного УК содержится следующая рекомендация: «Граждане государства-участника Содружества независимых государств, а также постоянно проживающие в нем лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов этого государства, подлежат ответственности по его законодательству, если эти лица не были осуждены в другом государстве. При осуждении указанных лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого было совершено преступление»⁸. Отдельные фрагменты ч. 1 ст. 14 модельного УК были использованы законодателями некоторых

скольких союзных республик: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Харьков, 1986.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Квалификация преступлений, совершенных на территории нескольких союзных республик // Социалистическая законность. 1966, №6, С. 50-52.

² См.: Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые аспекты применения закона // Вестник МГУ, Сер. 11. Право, 1987, №1, С. 45-46.

³ См.: Блум М.И. Указ. работа. С. 172-174.

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Указ. работа. С. 206; Блум, М.И. Указ. работа. С. 46-47.

⁵ См.: Тишкевич С.И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступлений: основные концептуальные положения. Теоретическая модель Уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь. Минск, 1992, С. 12-13.

⁶ См.: Тишкевич С.И. Суверенитет Республики Беларусь и проблемы применения ее уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Судовы веснік, 1994, №4, С. 34.

⁷ См.: Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 128-137

⁸ См.: Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества независимых государств: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств 17 фев. 1996 г. – Приложение к информационному бюллетеню. – 1996. №10. С. 86-215.

государств – участников СНГ при определении пределов персональной юрисдикции в процессе разработки новых уголовных кодексов.

Вопрос о применении уголовного закона на основании принципа гражданства достаточно активно исследовался российскими учеными. Следует отметить, что этот принцип, содержание которого в ст. 12 первоначальной редакции УК России было таким же, как и в действующем УК Республики Беларусь и некоторых других кодексах государств – участников СНГ, был подвергнут критическому анализу в научных трудах А.М. Медведева¹, М.Г. Мельникова², И.В. Андреева³, Л.В. Иногамовой-Хегай⁴, В.Ф. Щепелькова⁵, А.Г. Князева⁶, В.В. Мальцева⁷, Ю.А. Зюбанова⁸ и других авторов.

Изучение норм уголовного законодательства некоторых зарубежных государств показывает, что пределы уголовной юрисдикции в отношении деяний, совершенных за пределами государства его гражданами или лицами, приравненными к ним (далее – граждане), определяются по-разному. По этому вопросу условно можно выделить четыре законодательные модели в определении юрисдикционных оснований уголовной ответственности:

- полная персональная юрисдикция;
- ограниченная персональная юрисдикция;
- юрисдикционное правило двойной криминальности (двойной преступности);
- дифференцированная юрисдикция.

В рамках первого подхода уголовная юрисдикция соответствующего государства распространяется на все деяния, совершенные его гражданами за границей, которые национальным законодательством признаются преступными. Например, в ст. 7 УК Китайской Народной Республики сформулировано общее правило, в соответствии с которым к гражданам КНР, совершившим вне ее пределов преступления, подпадающие под действие УК КНР, применяется УК КНР⁹. При таком подходе не имеет значения, признается ли деяние, совершенное гражданином за границей, преступным по законодательству государства, на территории которого было совершено это деяние. Подобное положение закреплено в ст.ст. 3 и 7 УК Кореи¹⁰. Логическое толкование ч. 1 ст. 4 УК Латвийской республики¹¹ и ч. 2 ст. 11 УК Республики Молдова¹² позволяет сделать вы-

¹ См.: Медведев А.М. Пределы действия Уголовного кодекса Российской Федерации/ Практич. пособие / Под ред. В.П. Кашепова. М., 1998. С. 101-104.

² См.: Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 10.

³ См.: Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2000. С. 25-26.

⁴ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений / Учеб. пособие. М., 2002. С. 60.

⁵ См.: Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 130.

⁶ См.: Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11-12.

⁷ См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 190.

⁸ См.: Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве (опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ): автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1999. С. 21

⁹ См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. / Под ред. А.И. Коробеева. / Пер. с кит. Д.В. Вичикова. СПб., 2001.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Кореи: текст кодекса по состоянию на 1 окт. 2003 г. / Науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева / Пер. с кор. В.В. Верхоляка. СПб., 2004.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Латвийской республики: текст кодекса по состоянию на 1 авг. 2001 г. / Науч. ред. и вступит. статья А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой. / Пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб., 2001.

¹² См.: Уголовный кодекс Республики Молдова: текст кодекса по состоянию на 19 дек. 2002 г. / Вступит. статья А.И. Лукашова. СПб., 2003.

вод о полной персональной юрисдикции по рассматриваемому вопросу и в этих государствах.

Вторая законодательная модель характеризуется ограничением юрисдикции государства в отношении своих граждан. Как правило, это ограничение связано с фактом признания национальным судом приговора иностранного государства. Так, согласно ч. 1 ст. 12 УК Республики Узбекистан, граждане этого государства за преступления, совершенные на территории другого государства, подлежат ответственности по УК Республики Узбекистан в случае, если они не понесли наказания по приговору суда государства, на территории которого было совершено преступление¹. При отсутствии судебного акта иностранного государства главным при уголовно-правовой оценке содеянного в таком случае является признание соответствующего деяния преступным по национальному уголовному закону. Помимо УК Узбекистана такой подход нашел отражение в уголовном законодательстве и некоторых других государств - участников СНГ: ч. 1 ст. 6 УК Киргизии², ч. 1 ст. 15 УК Республики Таджикистан³. В 2006 г. подобное юрисдикционное положение было закреплено в новой редакции ч. 1 ст. 12 УК Российской Федерации⁴. На этой же основе решается вопрос об уголовной юрисдикции в ст. 7 Украины⁵. Однако в ч. 1 ст. 7 УК Украины содержатся еще и дополнительные ограничения: ответственность в таком случае по тамошнему УК наступает в случае, если иное не предусмотрено международными договорами Украины, согласие на обязательность которых дано Верховной радой Украины.

Следует заметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств в основе ограничения персональной уголовной юрисдикции лежат иные обстоятельства. Так, ст. 6 УК Республики Сан-Марино не связывает уголовную юрисдикцию в отношении своих граждан с отсутствием осуждения в иностранном государстве. Данная статья ограничивает юрисдикционную деятельность уполномоченных органов следующими обстоятельствами: совершенное гражданином за границей преступление является умышленным и включено в перечень преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 6 УК Республики Сан-Марино (вымогательство, вооруженный мятеж и др.), либо умышленное преступление совершено за границей против гражданина Сан-Марино, которое наказывается тюремным заключением не менее второй степени⁶.

Юрисдикционное правило о двойной криминальности по своей сути является более жестким вариантом ограниченной персональной юрисдикции. Помимо отсутствия осуждения по приговору иностранного суда ограничение юрисдикции в этом случае усиливается за счет признания совершенного деяния преступлением как по уголовному закону государства, на территории которого оно было совершено, так и по уголовному закону государства, гражданином которого это лицо является. Именно этот подход

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: текст кодекса по состоянию на 15 июля 2001 г. / Вступит. статья М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. СПб., 2001.

² См.: Уголовный кодекс Кыргызской республики: текст кодекса по состоянию на 12 марта 2002 г. / Предисл. А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. СПб., 2002.

³ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан: текст кодекса по состоянию на 1 дек. 2001 г. / Предисл. А.В. Федорова. СПб., 2001.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон Рос. Федерации, 27 июля 2006 г., №153-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. технология 3000 [Электронный ресурс]. М., 2006

⁵ См.: Уголовный кодекс Украины: Принят Верховной радой Украины 5 апр. 2001 г. / Науч. ред. и предисл. В.Я. Тация, В.В. Сташиса. СПб., 2001.

⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино: текст Кодекса по состоянию на 25 фев. 1974 г. / Вступ. статья С.В. Максимова. СПб., 2002.

закреплен в ч. 1 ст. 6 действующего УК Республики Беларусь¹, в ст. 12 УК Азербайджанской республики², в ч. 1 ст. 7 УК Республики Казахстан³, в ст.ст. 5 и 8 УК Литовской республики⁴.

Дифференцированный подход строится на разных юрисдикционных основаниях уголовной ответственности. Базовым основанием в таком случае является правило о двойной криминальности. Однако в отношении некоторых преступлений национальный уголовный закон применяется независимо от положений, обязательных в месте совершения деяния. Так, в §1 ст. 111 УК Республики Польша определено, что условием уголовной ответственности за деяние, совершенное за границей, является признание такого деяния преступным также и законом, действующим в месте его совершения. Но в §3 ст. 111 и ст. 112 данного УК сказано, что независимо от положений, обязательных в месте совершения преступления, польские уголовные законы применяются к польскому должностному лицу, осуществляющему служебную деятельность за границей и совершившему там преступление в связи с исполнением им служебных функций, а также к польскому гражданину в случае совершения им преступления против внутренней или внешней безопасности Республики Польша, преступления против польских государственных учреждений или должностных лиц, преступления против существенных польских хозяйственных интересов, преступления, связанного с дачей ложных показаний в отношении польского учреждения⁵. Аналогичный подход закреплен уголовным законодательством многих стран Европейского союза: §64 и §65 УК Австрии⁶, §5 и §7 УК Германии⁷, ст. 5 УК Голландии⁸, §7 и §8 УК Дании⁹, ст.ст. 4 и 6 УК Швейцарии¹⁰, ст.ст. 2 и 3 УК Швеции¹¹.

Разные законодательные модели определения пределов персональной уголовной юрисдикции обусловлены конкуренцией между персональной и территориальной юрисдикцией. Возникает закономерный вопрос о том, какой из существующих законодательных подходов в определении пределов персональной юрисдикции является наиболее оптимальным, соответствующим потребностям судебной практики?

Полная персональная юрисдикция порождает возможность двойной уголовной ответственности: лицо может быть привлечено к уголовной ответственности как по уголовному закону государства, на территории которого было совершено преступление, так и по законодательству государства, гражданином которого оно является. Правило о полной персональной юрисдикции фактически игнорирует

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск, 2006.

² Уголовный кодекс Азербайджанской республики: принят законом Азербайджанской республики 30 дек. 1999 г. / Науч. ред. и предисл. И.М. Рагимова. / Пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб., 2001.

³ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан: текст кодекса по состоянию на 1 авг. 2001 г. / Предис. И.И. Рогова. СПб., 2001.

⁴ См.: Уголовный кодекс Литовской республики: Утв. законом Литовской республики №VIII-1968 от 26 сент. 2000 г. / Науч. ред. и вступит. статья В. Павилониса. СПб., 2002

⁵ См.: Уголовный кодекс Республики Польша: текст кодекса по состоянию на 1 авг. 2001 г. / Науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой. / Пер. с пол. Д.А. Барилевич. СПб., 2001.

⁶ См.: Уголовный кодекс Австрии: текст кодекса по состоянию на 1 мая 2003 г. / Науч. ред и вступ. статья С.В. Милукова. СПб., 2004.

⁷ См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии: текст кодекса по состоянию на 15 мая 2003 г. / Науч. ред. и вступ. статья Д.А. Шестакова. / Пер. с нем. Н.С. Роговой. СПб., 2003.

⁸ См.: Уголовный кодекс Голландии: текст кодекса по состоянию на 1997 г. / Науч. ред. Б.В. Волженкин. / Пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб., 2001.

⁹ См.: Уголовный кодекс Дании: текст кодекса по состоянию на 17 марта 1999 г. / Науч. ред. и предис. С.С. Беляева, пер. с дат. и англ. С.С. Беляева и А.И. Рычевой. СПб., 2001.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Швейцарии: текст кодекса по состоянию на апрель 2002 г. / Науч. ред., предис. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб., 2002.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Швеции: текст кодекса по состоянию на 1 мая 1999 г. / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. / Пер. С.С. Беляева. СПб., 2001.

территориальную юрисдикцию иностранного государства. Но данное правило является грубейшим нарушением принципа международного права, закрепленного в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны»¹. Такой подход свидетельствует о замкнутости национальной правовой системы, игнорировании норм международного права.

При ограниченной персональной юрисдикции вопрос о привлечении к уголовной ответственности зависит от наличия или отсутствия решения суда иностранного государства, на территории которого было совершено соответствующее деяние. В соотношении с территориальной юрисдикцией иностранного государства применение национального уголовного закона в этом случае имеет субсидиарный характер. Двойная уголовная ответственность в таком случае исключается за счет соблюдения принципов международного права, включая правила *non bis in idem* (не дважды за одно и то же) и *aut dedere, aut punire* (выдай или накажи). Вместе с тем при таком подходе территориальная юрисдикция иностранного государства учитывается не в полной мере. Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности и в случае, если деяние не признается преступлением по уголовному закону государства, на территории которого оно было совершено.

Подобную возможность исключает юрисдикционное правило двойной криминальности. Это правило устанавливает некий межгосударственный баланс в объеме уголовно-правовых запретов, побуждает государства к унификации уголовного законодательства. Оно свидетельствует о том, что общественно опасное деяние подтверждается уголовно-правовым запретом, установленным несколькими государствами. Это правило корреспондирует и с положениями об экстрадиции. В договорной практике оказания правовой помощи по уголовным делам закреплено положение о двойной преступности. Так, в п. 2 ст. 56 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам договаривающиеся стороны в качестве обязательного условия выдачи закрепили положение о том, что выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой договаривающихся сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое зание². Аналогичное положение закреплено и в п. 2 ст. 66 одноименной Кишиневской конвенции³.

Вместе с тем решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности только по правилу двойной криминальности воспринято в академической среде неоднозначно. Многими российскими учеными первоначальная редакция ч. 1 ст. 12 УК России была подвергнута критике. Так, Л.В. Иногамова-Хегай отмечала, что правило двойной криминальности порождает вакуум при решении вопроса об уголовной ответственности лиц, совершивших ряд преступлений со специальным субъектом или

¹ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах: принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200А Генеральной ассамблеи от 16 дек. 1966 г. // Права человека: Сб. междунар.-правовых док. / Сост. В.В. Щербов. Минск, 1999. С. 16

² См.: О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Конвенция, 22 янв. 1993 г. // Содружество. Информационный вестник совета глав государств и совета глав правительств СНГ. 1993. № 1(9).

³ См.: О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Конвенция, 7 окт. 2002 г. // Содружество. Информационный вестник совета глав государств и совета глав правительств СНГ. 2002. №2(41).

особенностями объекта¹. А.М. Медведев усматривал в таком подходе искусственное ограничение суверенитета Российской Федерации². В.В. Мальцев писал о том, что действовавшая в то время редакция ч. 1 ст. 12 УК России фактически подчиняет отечественное уголовное законодательство законодательству всякого иного государства³. Но вот А.И. Бойцов, в целом соглашаясь с не совсем удачной формулировкой ч. 1 ст. 12 УК России, высказал мнение о том, что опасения его коллег по затронутой проблеме являются беспочвенными, и привлечение к уголовной ответственности российских граждан, совершивших за границей, например, преступление против конституционного строя Российской Федерации, вполне охватывается территориальной юрисдикцией Российского государства⁴.

Представляется, что наиболее оптимальной из рассмотренных законодательных моделей является дифференцированный подход в определении пределов персональной юрисдикции. Положение о двойной криминальности в таком случае является общим правилом, основанным на соблюдении положений законодательства иностранного государства и норм международного права. Многие общеуголовные преступления (преступления против жизни, здоровья, собственности и др.) предусмотрены в уголовном законодательстве всех государств. Между тем могут возникать ситуации, когда совершенное в иностранном государстве деяние не считается там преступлением, но оно причиняет вред интересам, находящимся под уголовно-правовой защитой государства, представитель которого это деяние совершил. Для примера можно взять проблему торговли людьми, которая в современном мире приобрела транснациональный характер. В уголовном законодательстве стран Западной Европы, которые являются активными «потребителями» живого товара, вопрос об ответственности за торговлю людьми решается в основном в рамках борьбы с проституцией и нелегальной миграцией. Так, в §217 УК Австрии установлена ответственность только за перевозку и вербовку человека в целях проституции. Но по сравнению с уголовным законодательством западноевропейских государств в уголовных кодексах государств – участников СНГ предусматривается более широкий спектр противоправных деяний, подпадающих под признаки торговли людьми. Например, в ст. 181 УК Республики Беларусь торговлей людьми признается «купля-продажа человека или совершение иных сделок в отношении его, а равно совершенные в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека». Кроме того, в ст. 181¹ УК Беларуси предусмотрена уголовная ответственность за использование рабского труда, а в ст. 187 этого УК – за незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей. В таких случаях могут возникать ситуации, когда в отношении своих граждан будут действовать ограничения, обусловленные правилом двойной криминальности. Является ли справедливым такое соотношение принципов действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц?

Представляется, что государство, независимо от законов места совершения преступления, должно иметь возможность привлекать к ответственности своих граждан, совершивших посягательства против интересов государства, гражданами которого они являются. Но здесь возникает вопрос о том, на какие именно преступления не должно распространяться правило о двойной криминальности. В уголовном законодательстве государств, использующих дифференцированный подход в определении персональной юрисдикции круг преступлений, к которым национальный уголовный закон применяется независимо от положений, обязательных в месте

¹ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Указ. работа. С. 60

² См.: Медведев А.М. Указ. работа. С. 101-104.

³ См.: Мальцев В.В. Указ. работа. С. 190.

⁴ См.: Бойцов А.И. Указ. работа. С. 296-298

совершения преступления, определяется по-разному. В некоторых уголовных кодексах дается исчерпывающий перечень такого рода преступлений (например, в §5 УК Германии), в других – указывается на группу (группы) преступлений (например, в ст. 112 УК Республики Польша) либо на категории преступлений (например, в ст. 5 УК Грузии¹).

Представляется, что исключение из правила о двойной криминальности в уголовном законе следует формулировать на основе следующих критериев:

а) деяние признается преступлением по уголовному закону государства, гражданином которого является лицо, совершившее данное деяние;

б) это деяние не является преступлением по уголовному законодательству государства, на территории которого оно совершено;

в) совершенное деяние относится к категории тяжкого либо особо тяжкого преступления;

г) это преступление направлено против интересов государства, гражданином которого является лицо, совершившее данное деяние.

Түйін

Мақала авторы бірнеше рет мемлекеттердің қылмыстық заңнамаға қатысын салыстыра отырып, персоналды қылмыстың юрисдикция (азаматтық принципке негізделген қылмыстық заңдарды пайдалану) шегінің заңды модельдеріне анықтама беріп, зерттеулер жүргізді т.б Пәнге жасаған салыстырмалы-юристік талдау оған заңнамадағы тұжырымдарға сәйкес ондағы кемшіліктер мен артықшылықтарды анықтауға мүмкіндік берді. Қарастырып отырған мәселенің нормативтік және доктриналық жағдайын қамти отырып, автор ТМД елдеріне мүше мемлекеттердің заң жүргізу қызметінде қолдануға болатындай, қылмыс саласын анықтаудың жаңа әрі аса тиімді теориялық моделін ұсынады.

Annotation

Comparing approaches of criminal legislation of some foreign countries the author of this article distinguishes and investigates the legislative models of definition of personal criminal jurisdiction area (application of the criminal law on the basis of the citizenship principle). Comparative-legal analysis of the subject allowed him to reveal the drawbacks and advantages of the corresponding legislative wording. Generalizing normative and doctrine positions on the considered problem the author suggests new, the most optimum theoretical model of the definition of area of the personal criminal jurisdiction which can be used in the legislative procedure of the states – CIS participants.

¹ См.: Уголовный кодекс Грузии: текст кодекса по состоянию на 1 дек. 2001 г. / Науч. ред. З.К. Бигрова./ Пер. с груз. И. Меринаджанашвили. СПб., 2002.